

РЕДИСЛОВИЕ К СБОРНОМУ НОМЕРУ

Анна Парецкая

Анна Парецкая – выпускающий редактор номера. Адрес для переписки: Department of Sociology, University of Wisconsin–Madison, 8128 William H. Sewell Social Sciences Building, 1180 Observatory Drive, Madison, WI 53706, USA. aparetskaya@gmail.com.

Этот номер журнала не планировался как тематический, но по воле случая рукописи, ожидавшие очереди на публикацию, настолько хорошо сочлись друг с другом, что из них практически сложился специальный номер по социологии знания, точнее – по социологии общественных и гуманитарных наук. Две статьи и обзор посвящены организации дисциплинарных полей экономики, социологии и истории соответственно. Особое внимание в них уделяется тому, как создается и распространяется знание в этих дисциплинах. Третья статья – об интеллигенции, группе, которая (по крайней мере, отчасти) «заведует» созданием знания, в особенности знания гуманитарного и социального. Некоторые из этих тем затрагиваются и в разделе рецензий, в том числе в оживленной дискуссии по поводу сборника о гендерных практиках и идентичностях.

Открывается номер статьей Олеси Кирчик, которая использует метод библиометрического анализа, редко применяемый в русской и англо-саксонской социологии, но широко распространенный во французских социальных науках. Анализируя публикационные практики ученых-экономистов в современной России, автор обнаруживает, что лишь незначительное меньшинство из них публикует статьи в ведущих международных (то есть, как правило, англоязычных) журналах. Обычно это делают экономисты, получившие ученую степень в ведущих западных (в основном – американских) аспирантурах, а теперь работающие в основном в одном–двух российских исследовательских университетах. По мере того, как эти российские исследователи вступают в более или менее эксклюзивный клуб экономистов, пользующихся международным признанием, в своих публикациях они, как показывает Кирчик, начинают подражать западным образцам не только в том, что касается теоретических моделей и методик, но и в выборе проблематики и объекта исследований: нередко это означает, что они начинают писать не о России, а о более «универсальных» темах. Отмечая делокализацию знания и разделение национального академического сообщества на тех, кто «интернационализировался», и тех, кто остается на периферии научного поля, автор статьи критикует нарастающую гегемонию экономической науки американского образца (экономикс) и, как следствие,

экономического неолиберализма, распространению которого способствовала экономикс в России и других странах мира.

Статья Романа Абрамова также представляет собой критику посягательств логики рынка на производство знания. Если Кирчик показывает, как экономические факультеты, созданные в постсоветской России, имитируют ведущие западные институты, то Абрамов пишет о том, как главные российские центры изучения общественного мнения в последнее время стали перенимать организационную структуру и управленческие стандарты российских и зарубежных фирм, занимающихся маркетинговыми исследованиями. Индустрия опросов общественного мнения никогда не была полностью некоммерческой, но на заре своего существования, двадцать пять лет назад, она была глубоко укоренена в академической сфере, и это имело важные последствия для способов сбора, обработки и представления информации, а следовательно, и для того, какие профессиональные качества (самостоятельное мышление и креативность, например) ценились в работниках этой области. Однако по мере того, как в последние годы эти компании стали заниматься коммерческими исследованиями, им пришлось изменить свои организационные стратегии и корпоративную идеологию в сторону неоменеджериализма. Это, предупреждает автор, может привести к тому, что отрасль утратит способность генерировать новые смыслы и оригинальное знание. Некоторым читателям методология этой статьи может показаться несколько проблематичной: она представляет собой *case study* из области того, что можно назвать «этнография по случаю». Это исследование не было заранее и специально спланировано, но оно дало автору уникальную точку зрения на те изменения, которые происходили в индустрии опросов, которую он мастерски обосновал с помощью теорий организаций, профессий и рынка.

Если в этих двух статьях авторы рассуждают о мимикрии, имитации и изоморфизме, которые, по мнению исследователей, царят в сегодняшних российских социологии и экономике (а, возможно, и во многих других научных областях), то обзор американских исторических журналов, подготовленный Натальей Потаповой, показывает, что разнообразие в рамках академической дисциплины возможно и, пожалуй, даже желательно. Автор в мельчайших деталях исследует содержание всех номеров трех американских журналов, изданных за последние десять лет. Эти журналы представляют собой три очень разные модели периодических изданий. Первый журнал автор называет «Соединенные исторические штаты», потому что он представляет – более или менее беспристрастно – специализации, тенденции и позиции внутри сообщества американских историков, стремится выработать консенсус и определять мейнстрим. Второй журнал автор сравнивает с интеллектуалом, который на протяжении многих лет работает по одной и той же общей теме, ставшей его «торговой маркой», хотя и рассматривает ее с разных точек зрения. Третий же напоминает автору преуспевающую фирму, которая выпускает модный и хорошо продающийся интеллектуальный продукт. Анализ показывает, что отсутствие единообразия и стандартизации среди журналов обеспечивает гибкость производства и распространения знания, принося тем самым пользу не только отдельным ученым (в том, что касается их карьеры), но и исторической науке в целом.

В последней исследовательской статье этого номера речь идет не столько о создании и распространении научного знания, сколько о социальной группе, которая (по крайней мере, в контексте Восточной и Центральной Европы и Евразии) играет ключевую роль в создании социального смысла – интеллигенции. Юлия Антонян знакомит нас с основными современными дискурсами об интеллигенции в Армении. Несмотря на то, что статья не укоренена глубоко в обширной и потому кажущейся неподъемной литературе об этой социальной группе (и некоторые могут упрекнуть автора за это), из анализа эмпирических данных становится ясно, что интеллигенция, как она конструируется в постсоветской Армении, не ограничивается интеллектуалами и научными работниками, хотя некоторые из них в нее входят. Значимо, что интеллигенция играет другую и, возможно, более важную по сравнению с интеллектуалами, роль в обществе: она определяет сущность армянской нации и устанавливает границы армянского государства. Изучение дискурсов об интеллигенции также показывает, что, как бы ни хотелось и как бы нужно ни было постсоциалистическим обществам уйти от своего прошлого, чтобы стать частью глобализирующегося мира, прошлое, говоря словами Уильяма Фолкнера, никогда не мертво, оно даже еще не прошло.

Темы глобализации (и в частности, глобализации знания), современности, универсальности знания и интеллектуалов фигурируют и в нескольких рецензиях этого номера. Например, сборник *Understanding Knowledge Creation: Intellectuals in Academia, the Public Sphere and the Arts* («Осмысление создания знания: интеллектуалы в академии, публичной сфере и культуре»), анонсируемый его редакторами Никитой Басовым и Александрой Ненько, во многом перекликается с текстами, обсуждавшимися выше: его авторы тоже пишут о новых вызовах и противоречивых логиках научно-исследовательской работы, описывают нарастающую роль рынка в академической сфере и ставят под сомнение автономию и независимость публичных интеллектуалов. Другой сборник, «Классика и классики в социальном и гуманитарном знании» (рецензия Евгения Малышкина), поднимает вопросы об универсальном характере канонов в социальных и гуманитарных науках и об их непреходящей актуальности. Игорь Смирнов в своей книге «Кризис современности» (рецензия Дмитрия Голынка-Вольфсона) не только постулирует современность как «глобальный феномен», но также отмечает, что ее концепции трансформируются в нынешнюю эпоху неолиберализма и неомеджериализма, которые под действием логики рыночной прибыли ограничивают культурное производство едва ли не до полного его исчезновения.

Даже в дискуссии по поводу сборника «Практики и идентичности: гендерное устройство» о производстве знания говорится не меньше, чем о гендере. В нескольких выступлениях в этом разделе поднимаются вопросы переноса западных теорий общества в другие локальные контексты – в данном случае в российский. Особенно проблематичным это может быть тогда, когда эти теории возникли в иных, иногда даже противоположных, ситуациях (как это случилось с феминистской теорией на Западе и в России). Несколько участников форума размышляют о том, должны ли науки – социальные или какие-либо другие – иметь национальные границы.

Нет, наверное, ничего удивительного в том, что *Laboratorium* (как недавно созданный журнал, имеющий цель содействовать междисциплинарному и международному диалогу и в связи с этим печатающий значительную часть своих материалов и на русском, и на английском языках) проявляет интерес, причем взаимный, к авторам, которые с различных точек зрения изучают вопросы, связанные с производством и передачей знания в контексте транснационализма и глобализации. Благодаря мудрости статей и рецензий, публикуемых в этом номере, мы надеемся лучше узнать скрытые риски нашей издательской модели и с большей пользой использовать ее преимущества, тем самым сделав журнал более интересным и привлекательным для растущего сообщества наших авторов и читателей.

Авторизованный перевод с английского: Кирилл Левинсон